

ОТОВЯСЬ в университет. Стенислав не мыслил себя музейным работником, он мечтал об экспедициях, об изучении животных в природе. Поступив на биофак, Шварц пришел к профессору Даниилу Николаевичу Кашкарову,

щил о появлении новой звезды в советской экологии.

...Вот он, университет моего героя. Вот он, знаменито длинный коридор ЛГУ через все двенадцать Петровских коллегий, с портретами стариков, то есть великих ученых нашего Отечества. Шагаешь по державно-

талантливость по преимуществу проявлялась в науке... В первый год войны он пошел добровольцем на Ленинградский фронт и там был ранен; вернулся; вижу — он подавлен случившимся: рука в гипсе... Я его утешала, помню, что-то наивное говорила, а он шутил: «Безрукий

денческие годы у Д. Н. Кашкарова и его учеников...

Я считаю чрезвычайно важным, что и Кашкаров, и другие его ближайшие помощники обращали особое внимание на общую образованность своих учеников. Я помню, в какой ужас пришел мой учитель Н. В. Тे-

дентов тут же, в аудитории, соразмывшлять с собой. Ухтомский, с большой бородой человечице, обликом народный, прочный, читал общую физиологию, а на самом деле это была глубокая философия природы и своеобычные размышления о единстве всего сущего; пытливые студенты с первого часа распознавали оригинальность этих лекций, и так оно и было, потому что послушать Ухтомского приходил даже старинный университетский люд, седоголовый, со степенями и званиями. И появлялся на кафедре простецкий одетый, в рубахе, Алексей Алексеевич, и по-крестьянски неторопливо знакомил аудиторию со своими думами о таинствах живого...

Шварц вспоминал не только корифеев. Он вспоминал преподавателей того времени — например, Юлию Тихоновну Козыренко, заместителя декана. Это была женщина времени военного коммунизма, прямая в суждениях, предельно честная во всем, всегда и без остатка советский человек. Она вела семинары по истории партии. Это были беседы о жизни, а не только анализ минувшего. Юлия Тихоновна носила короткую стрижку, на ней были пиджак и длинная юбка. Старомодная, тем не менее именно она быстро оценивала полезность той или иной новизны в обучении студентов и была за то, чтобы создать «английскую группу», в которой был Стенислав Шварц. Это означало, что ребята из этой группы хотели сдать экзамены по немецкому языку за весь университетский курс, чтобы им разрешили приняться за второй иностранный язык. И «англичане» на биофаке появились. Эта группа была одна из самых сильных. Шварц читал «Логику» Гегеля на немецком языке, в нем со школы было сильно стремление читать все в подлиннике, а не в переводе. Читали, например, по программе «Материализм и эмпириокритицизм» Ленина, узнавали из этой остро полемической книги о Махе, о его философских взглядах. Хотелось подробнее почитать работы этого великого путника Маха, и ребята находили их и читали. Жажда мыслить самостоятельно! Они спорили: можно ли биологу быть философски глухим или нельзя. Шварц был из тех, кто считал — нельзя.

Уже тогда Шварца интересовала не безличная экология, а физиологический подход к решению проблем экологии. Возможно, ему передалось настроение Шелфорда, ведь Стенислав читал труды этого исследователя, который призывал смотреть на экологию как на физиологию, перенесенную в поле. Возможно также, что лекции Алексея Алексеевича Ухтомского по общей физиологии тоже подвигли студента Шварца к полевой физиологии. Так или иначе, но идея познания микроэволюции с помощью метода морфофизиологических индикаторов начала зревть у него еще в студенческие годы. Ныне это один из признанных методов изучения живой природы...

Ю. Апапников

СТУДЕНТ СТАНИСЛАВ ШВАРЦ

Это одна из глав большого очерка, который публикуется в № 10 «Уральского следопыта», посвященного молодости видного уральского ученого, организатора первого в нашей стране Института экологии, академика Стенислава Семеновича Шварца.

чтобы записаться для специализации по экологии.

— А что вы читали по экологии, молодой человек? — спросил Даниил Николаевич, корифей отечественной экологической науки.

— Шелфорда, Клеменса, Элтона, Браун-Бланке...

— Но ведь работ этих исследователей на русском языке нет! — воскликнул профессор.

— Читал в подлинниках...

Кашкаров засыпал вопросами новичка. Как это замечательно, прекрасно: юноша действительно перечитал почти всех крупных экологов! Вероятно, этот молодой человек мог бы сейчас сдать экзамен по экологии не хуже многих студентов, прослушавших полный курс. Ничего подобного профессор на биологическом факультете прежде не встречал...

— Вы будете, — сказал он эрудированному первокурснику, — заниматься лично со мной экологией пустынь Средней Азии. Если не возражаете, разумеется...

Об этой необычной встрече профессор написал даже в факультетскую стенгазету. Студенты шутили: как Стасов приветствовал появление на русской оперной сцене могучего певца Федора Шаляпина, так маститый ученик академика М. А. Мензбира Кашкаров сообщ-

му коридору, и он внушил торжественное ожидание чудесных встреч.

«Счастье, он попал в восходящий поток свежей информации!» Случайно услышал эту фразу, проходя мимо студентов. Да, высшее счастье мыслящего человека — быть с мыслящими людьми! Не ради ли этого Ломоносов пришел в Москву, чтобы чувствовать каждый день освежающую духовность культурных соотечественников? В любой век счастье быть студентом МГУ или ЛГУ. Тут действительно восходящие потоки мысли, тут можно высоко подняться, но зато и падать с такой высоты будет больше, если не научиться в молодости, в годы учебы махать крыльями и удерживать самого себя, то есть мыслить, самостоятельно...

Кабинет директора библиотеки Ленинградского университета полон редких книг, здесь довольно часто бывают заграничные гости и удобнее, когда книжные редкости под рукой. Пять с лишним миллионов книг в университете библиотеке, но мы говорим с Кирой Михайловой не о книгах, а о ее студенческой молодости...

— Мы со Стениславом Шварцем учились на одном курсе, помню его талантливость, и, я бы сказала, эта

экспериментатор — кому он нужен! Он считал себя экспериментатором, переживал, что рука стала негибкой, и тренировал ее, и добился успеха, и не допускал мысли, что можно вне науки быть счастливым.

И, конечно, помню, как Стенислав спас мне жизнь. Да так, я бы сказала, тактично меня спас, что почти никто этого и не заметил, хотя все происходило на виду у однокурсников. Дело было в Саблино, на университетской биостанции. Мы всей группой купались и переплыли речку Саблинку, и все уже стали выходить на берег, а я ухнула в омут, и даже не вскрикнула. Стенислав молча, как утка, нырнул и вытащил меня. Кто и оглянулся, то подумал, что мы с ним резвились, потому что он поймал меня за руку...

Сам Шварц о Ленинградском университете, о своих учителях однажды написал так:

«Наибольшее влияние на меня, естественно,оказал Д. Н. Кашкаров. Несмотря на то, что мой стаж работы в различных отраслях зоологии перевалил за 30 лет и многие мои ученики стали кандидатами и докторами наук, я часто ловлю себя на том, что до сих пор живу за пасами, полученными в сту-

рентьев, узнав, что я имею самое смутное представление о том, почему французским революционерам было важно взять Бастилию. Лекция по этому поводу продолжалась больше двух часов. Ни Кашкаров, ни Терентьев никогда не считались с тем, знает ли их ученик иностранный язык или нет. У меня до сих пор хранится отиск итальянской работы, которую Кашкаров велел мне прочитать. Педагогический афоризм Терентьева сводился к следующему: «Голубчик, в библиотеке есть книги, а у вас голова на плечах, а если головы нет — то, пардон, я вам не слуга».

Кафедра Кашкарова пользовалась успехом, хотя слава у соседей — у Догеля и у Ухтомского — была, пожалуй, более шумной. Даниил Николаевич читал лекции ровно и не умел скрыть, когда ему самому было скучновато говорить долго, например, о земноводных, а программа того требовала. Он все аккуратно рассчитывал и, как курьерский поезд, не торопился и не опаздывал, а приходил точно по расписанию к концу курса лекций. Догель же, взрывной и повелительный Догель, как правило, не успевал прочитать, увлекался и увлекал, размышлял и побуждал сту-